

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>

УДК 81-114

НЕСКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ: МАГНЕТИЗМ ТЕМНЫХ СЛОВ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблемы, связанные с лексическими заимствованиями, неизменно вызывают интерес лингвистов. Вероятно, особенно привлекательны для изучения как возможные причины заимствований, так и их социокультурные последствия.

Поэтому насущным является изучение факторов, способствующих готовности языкового коллектива к безоговорочному принятию заимствований из англо-американского и их активному использованию.

Цель – социокультурный анализ заимствований, их семантический и прагматический статус в русском языке.

Для достижения цели использованы дискурсивный, лингвокультурологический и семантический *методы анализа*.

Результаты исследования. Одним из катализаторов вышеназванного бурного процесса является непроницаемость внутренней формы чужого слова для большинства носителей русского языка. Такие лексемы зачастую становятся зародышами новых мифов, канализируемых через СМИ и применяемых для манипуляций общественным сознанием.

Выводы. Сегодняшние черты процесса заимствований говорят об их близости к традиционной вербальной магии. Серьезным импульсом, поощряющим употребление англицизмов взамен семантически адекватных русских слов, выступают публичные речевые акты представителей российской правящей страты.

Ключевые слова: лексические заимствования, англицизмы, современная российская речекommunikативная ситуация, истоки притягательности заимствований, внутренняя форма слова, вербальная магия.

Постановка проблемы. Интерес к лексическим заимствованиям, имевший когда-то очевидно лишь прагматический характер, с течением времени не угасает. Об этом свидетельствует значительное число специальных лингвистических исследований. Наиболее информативны в научном отношении те из них, которые учитывают социокультурный аспект данной проблемы. Эта статья посвящена краткому обзору факторов и вероятных последствий вхождения иноязычных слов в язык-реципиент и их активного функционирования в речевой коммуникации¹.

¹ Конечно, в любом языке объективно имеется то или иное количество заимствованных слов; их можно дифференцировать на группы в зависимости от времени пребывания в языке-реципиенте, а значит, и степени освоенности. См. в диалоге персонажей пьесы: «Г р а д о б о е в <...> Уж тут его [турка] руками бери, сейчас *аман* кричит. К у р о с л е п о в <...>. Что же это он *аман* кричит, зачем? Г р а д о б о е в По-нашему сказать, **по-русски**: *пardon*» [Островский, 1972, с. 524]. Но здесь рассматривается другой аспект проблемы.

Наличие в массовом обороте множества англицизмов способно привести к парадоксальному выводу: для полноценного восприятия современной русской речи необходимо хорошее знание англо-американского лексикона. Правда, официально, кажется, такая лингводидактика еще не декларируется в системе образования, однако довольно актуальна применительно к российской ситуации.

Получается также, что многие англицизмы обозначают нечто, для именованного чего якобы совершенно нет адекватных русских именованных. Это приводит к умалению и даже отрицанию действительных ресурсов родного языка и сакрализации чужого (в данном случае – английского).

Стоит напомнить хотя бы некоторые дефиниции слова как понятийно-содержательной единицы языка, весьма важные для более глубокого понимания рассматриваемой тематики. «Слова суть символы <...>. Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков², 1953, с. 26, 30]. – «Слова <...> как аббревиатуры или представители высказывания, мировоззрения, точки зрения и т.п.» [Бахтин³, 1986, с. 316]. «Слово – тот же текст, только обработанный, скомпрессированный и включенный в язык» [Руделев⁴, 1995, с. 3]. – «За словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух...» [Трубачев⁵, 2004, с. 154].

Таким образом, слово, представляемое цитируемыми авторами в разных ипостасях (слово – символ, слово – аббревиатура мировоззрения, слово – сжатый текст, слово – носитель национальной ментальности), для осуществления успешной речевой коммуникации может – и должно быть – осмыслено, не в последнюю очередь посредством правильного понимания его внутренней формы.

К этому понятию неоднократно обращался А.А. Потебня, варьируя и уточняя его наполнение. Ср., например: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 115]. – «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Там же]. – «Внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова» [Потебня, 1976, с. 175].

С другой стороны, парадоксальным, на первый взгляд, может показаться то, что заимствования способны становиться зернами мифотворчества. Но это логично согласуется с положениями вербальной магии: именно непонятные слова завораживают адресата.

Цель исследования – социокультурный анализ заимствований, их семантический и прагматический статус в русском языке.

² Булгаков С.Н. *Философия имени*. Paris, 1953. 230 с.

³ Бахтин М.М. *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества*. М., 1986. С. 297–325.

⁴ Руделев В.Г. *Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм*. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. I. С. 70–72.

⁵ Трубачев О.Н. *Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян*. М., 2004. 224 с.

Для достижения поставленной цели использованы дискурсивный, лингвокультурологический и семантический *методы анализа*.

Результаты исследования. Непроницаемость внутренней формы выступает важнейшим критерием магического ореола слова, иначе говоря – непонимание его семантики значительным числом речедеевателей придает ему в их глазах чарующую притягательность. Между прочим, в качестве непонятных фигурируют генетически различные лексемы: кроме иноязычных заимствований, это вполне могут быть также и аббревиатуры, и звукоподражания, и искусственно (т.е. без необходимости именовать какие-либо реалии) сконструированные звукобуквенные комплексы, и фонетические искажения существующих лексических единиц, и другие агнонимы.

Приведем некоторые беллетристические иллюстрации. «Глухо стала ворчать она [панночка-ведьма] и начала выговаривать мертвыми устами с т р а ш н ы е слова; хрипло вспыхивали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он. Философ в страхе понял, что она творила заклинания» [Гоголь⁶, 1952, с. 185]. Герой Н.С. Лескова обращает татар в православие, устроив фейерверк и прокричав «к а к и е п о п а л о н е з н а к о м ы е с л о в а <...>: парле-бьен-комса-шире-мир-ферфлюхтурмин-адью-мусью!» [Лесков, 1951, с. 190–191]. Ср. также монолог привидевшегося купчихе в кошмарном сне «жупела» (он «карапузик, весь в темной шерсти, с большим животом, с козлиными кривыми ногами, голова баранья... ртище громадный... изо рта пламя с дымом»): «Геенна! геенна огненная!.. Кимвалы... Синедрион!.. Цимбалы!.. Архитектура!.. Кафедра!.. Кедр ливанский!..» [Билибин, 1982, с. 63–64]. Или: «Бабка <...> ударила его по спине колдовским веником: Шíлцы-вíлцы-цýгорцы-ходíлцы!» [Шишков, 1961, с. 289] и т.п.

Ср. теоретизированное обоснование логики «заумного языка»: «...Заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти „шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу“ – суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета <...>. Между тем этим непонятным словам приписывается наибольшая власть над человеком...» [Хлебников⁷, 1986, с. 633–634].

Несколько позднее в русском языке активизируется создание аббревиатур для обозначения учреждений нового государства – советского. Некоторые (если не многие) современники усматривали в таких конструктах явные черты вербальной магии. Ср.: «*Чека, цик, ревком* и огромная масса других, не менее диких сочетаний, совершенно невразумительных для непосвященных <...>. Нельзя взять в руки газету или брошюру последнего времени, прочесть объявление или вывеску, чтобы не натолкнуться на десяток, а то и сотню подобных магических слов» [Баранников⁸, 1919, с. 77] – и: «... Теперь “куются” совсем новые слова, <...> все

⁶ Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 2. С. 153–192.

⁷ Хлебников В. О стихах // Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 633–635.

⁸ Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского ун-та. 1919. Вып. 2. С. 64–80.

эти богомерзкие *совдепы*, *викжели* <...> и под. <...>. Образуется целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии» [Булгаков⁹, 1953, с. 32]¹⁰.

Кроме того, этот период ознаменовался также введением в оборот множества заимствованных слов, понимание семантики которых было недопустимо огромному большинству тогдашних носителей русского языка (см. описания подобных ситуаций: [Булгаков, 1989, с. 520–523; Зоценко, 1986, с. 264–266; Маяковский, 1957, с. 66–67; Замятин, 1989, с. 452–460], а также об этом: [Васильев, 2020, т. 1, с. 122–124; 2021, с. 125–127]). Таким образом, речедеятели, использующие один и тот же национальный язык, были фактически разграничены на две неравные макрогруппы: первая (меньшая), знавшая значения слов нового прагматикона и утверждавшая их применением новую (свою) власть, – и вторая (гораздо бóльшая), остававшаяся в неведении, а потому – в статусе пассивного объекта речевых манипуляций.

Несмотря на очевидные тематические различия собственно магических слов (заклинаний и проч.) и обретших такой статус советских новообразований и заимствований, отчетливо наблюдается типологическое сходство между ними (отсутствие понимания семантики широкой аудиторией), а также их трансляторами, воспринимаемыми массой адресатов как носители сакрального (или инфернального) знания.

Но то же самое в значительной степени следует отнести и к сегодняшним заимствованиям и их проводникам.

Нередка авторитетность адресантов – или, может быть, культивируемая пропагандой аура их персон, обуславливаемая их высоким статусом в социальной иерархии, а потому обеспечивающая их коммуникативным актам некую эталонность в восприятии всех прочих и их не вполне осознанное стремление к имитации речевых фрагментов властителей. Такой образ вербального поведения позволял и позволяет многим представителям низших страт словесно мимикрировать, имитируя лояльность к начальствующему слою, то есть близость к нише «своих».

В некогда хрестоматийной заметке говорилось, в частности: «Русский язык мы [!] портим. Иностранные слова употребляем без надобности» [Ленин, 1976, с. 380] – очевидно, указывалось на форму публичных выступлений тогдашних вождей и трибунов разных рангов.

Однако и сегодня подобные черты устойчиво присутствуют в речах российских *топ-менеджеров*, начиная с вершины вертикали власти, например: «Убежден, при наличии воли мы можем восстановить эффективность системы международных и региональных институтов. Тут даже не надо что-либо строить полностью, с нуля, это не “*гринфилд*”»¹¹. – «Мы будем делать упор на льготирование

⁹ Булгаков С.Н. *Философия имени*. Paris, 1953. 230 с.

¹⁰ И в послесоветский период аббревиация используется широко, ср.: Центризбирком (ЦИК), РАН, МВД, МЧС, РПЦ...

¹¹ В.В. Путин. Заседание клуба «Валдай» 21.10.14. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>

бизнеса [на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири], имея в виду работу в рамках проектов, которые начинаются с нуля, так называемые *гринфилды...*» [Там же] (интересно, что в первом случае предпринимается попытка косвенной семантизации заимствования, а во втором, кроме пояснительной перифразы, оно сопровождается рефлексивом. Кроме того, пример № 2 любопытен и как пример передачи значения исконно русского словосочетания посредством англицизма). Такое словоупотребление поддерживается речевыми актами и других элитариев: «Мы оказались в стане стран, которые проигрывают, в стане стран-*дауншифтеров*»¹². – «Экономику Российской Федерации надо вывести из состояния *стэндбай*»¹³.

Благоговейное отношение к заимствованиям, утверждаемое подобными высказываниями-камертонами, явно напоминает о почитании «особенного такого “сло́ва”, которое “хоть из какой хошь труппы тебе лошадь вывезет!”» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 246]. Можно увидеть некое сходство между кучером-чародеем, знающим магически спасительное «слово», – и державными кормчими, демонстрирующими владение лексикой, которая содержит (предположительно) некое сакральное знание, способное волшебным образом облагодетельствовать страну.

Допустимо предполагать, что приливы лексических заимствований из определенного языка, сопровождающие усиление его позиций как экзогенного для какого-либо социума, в определенной степени могут быть сопоставимы с подобными процессами совсем иного исторического периода, знаменуемого воздействием другого иностранного языка на тот же автохтонный. Причем в том и другом случаях следует говорить также и о синхронной чужекультурной экспансии.

Сравним в этом отношении Петровскую эпоху и хронологически примыкающий к ней XVIII в. – и настоящее время.

Обратим прежде всего внимание на то, что на рубеже XVII–XVIII вв. в русский язык активно притекают западноевропейские лексические единицы (латинские, немецкие, голландские) научной, технической, военной, административной сферы, реже – бытовой [История..., 1981, с. 59; и др.]. Это слова, необходимые, как правило, для именования новых реалий, вызванных к жизни почти всесторонним реформированием русской промышленности, армии, государства, а также явной секуляризацией социума. Лингвистически «самым ярким показателем влияния иноязычных западных слов в Петровскую эпоху является, конечно, их фразеологическая активность и то, что к ним часто предпочтительно обращаются, пренебрегая их точными русскими смысловыми соответствиями» [Сорокин, 1965, с. 44]. Таким образом, и изучение современных западных языков, и заимствования их лексических элементов выступают как орудия создания новой страны, укрепления ее потенциала и совершенствования государственного аппарата (см. также: [Ковалевская, 1978, с. 155–162]) – об этом свидетельствует и состав тематических групп заимствованных слов [Там же].

¹² Г. Греф на гайдаровском форуме (Россия-24. 15.03.16).

¹³ Д. Медведев (Россия-24. 26.04.16).

Однако спустя непродолжительное время ситуация резко меняется: дворянская верхушка русского общества (впрочем, как и других европейских стран [Биржакова, 1981, с. 104]) оказывается охваченной галломанией. Теперь предпочтительным становится хотя бы фрагментарное знание французского языка и малооправданное использование его в речевой коммуникации. Отсюда происходят чрезвычайно важные социокультурные последствия. Во-первых, языковая дифференциация порождает почти совершенную взаимную изоляцию разных страт социума, то есть подрывает единство нации, и так уже классово разобщенной. Во-вторых, галломания транслировала чужекультурные и иноментальные идеи и настроения, тем самым отвращая ее приверженцев от российской действительности (см.: [Ключевский, 1990, т. IX, с. 37–38]). Лавинообразное же заимствование слов (также французских) тематически охватывает преимущественно сферу досуга аристократии: веяния моды в одежде, парфюмерия и косметика, театр и кулинария, светская жизнь и литература и т.п. Насыщение речи многих дворян макаронизмами приводит к хрестоматийному «смешению языков: французского с нижегородским» [Грибоедов, 1964, с. 25].

Владение французским языком в России надолго становится прочным свидетельством принадлежности к элите, как и употребление лексико-фразеологических галлицизмов.

Обратимся теперь к современному периоду русского языка. Последние тридцать лет в России также чрезвычайно насыщены радикальными реформами, плавно переходящими в некую конвенциональную «стабильность». Это время характеризуется в том числе и скачкообразным повышением интереса к изучению английского языка, и заметным наплывом англоязычных лексических заимствований (см. об этом: [Васильев, 2020, с. 97–141; и др.]). Сегодняшняя англomania «уважаемых россиян», имеющая к тому же явный америкофильский оттенок, конечно, не случайна, поскольку определяется характером всеобъемлющих преобразований, их движущими силами и ориентирами.

Что касается тематической сферы новейших англицизмов, то, судя по некоторым источникам, среди них незначительно количество принадлежащих промышленному производству, но много таких, которые относятся к потребительским нуждам и вкусам: массовой культуре и шоу-бизнесу, формам проведения досуга (особенно молодежного), продуктам питания, бытовой технике, предметам одежды и личной гигиены (например: [Скляревская, 2001, с. XI–XII]; за время, прошедшее с момента издания этого словаря, число заимствований из английского чрезвычайно возросло).

Стоит отметить также, что, подобно давно минувшим эпохам, отмеченным галломанией как признаком аристократизма и противопоставления высшей страты русского общества его низшим слоям, сегодняшний отечественный социум тоже дифференцируется и на классовой, и на лингвоментальной основе (сосуществуют, почти не соприкасаясь, «элита» – и прочее «население»).



Причем активное употребление англицизмов позволяет многим речедеятелям и сигнализировать адресатам о собственном предположительном владении «престижным» языком, и демонстрировать свою принадлежность если не собственно к элите, то, по крайней мере, к «продвинутым» гражданам (которые *в тренде*).

Кроме того, скорость, с которой ранее распространялись заимствования, несопоставима с сегодняшней: благодаря техническому совершенствованию СМИ, чужезычные слова входят в сознание огромной аудитории мгновенно и одновременно, окончательно выхолащивая рудименты русской ментальности [Колесов, 2004, с. 203; и др.].

Совокупность новейших заимствований формирует принципиально новую языковую картину мира, заполненную представлениями, привносимыми извне. Давно замечено, что иногда такие слова играют роль эвфемизмов (*рэкетиры, киллер, киднеппинг* и т.п.). К подобным случаям относятся *чайлд-фри* (свободные от детей), *харассмент* (сексуальное домогательство)¹⁴, *трэш-стимер* (хулиган) и др.

Если в российской школе *буллинг* (травля) какого-то ученика достигает критической точки, то этот подросток (которого именуют *колумбайнером*) берет в руки оружие и устраивает *шутинг* (стрельбу) по соученикам. То есть: *шутинг* – это вроде бы и массовое убийство, но не совсем. А может быть, и совсем не убийство?

Следует обратить внимание на социокультурные импульсы, которые несут в себе многие заимствования, – и их вряд ли можно назвать благодетельными для принимающего этносоциума.

Например, *чайлд-фри* – вектор замедленного самоуничтожения для государствообразующего народа, *харассмент* – политкорректное сведение до нуля естественных отношений между полами, *тьюторы* и *коучи* (наставники и тренеры) – откровенные шарлатаны, наживающиеся на манипуляциях чужим сознанием, *блогеры* и *тик-токеры* – безответственные болтуны-тунеядцы и т.п.

Много ли в *бойфренде* от «любимого» – большой вопрос.

И действительно ли жизненно необходимы *абьюзер, лузер, хейтер, пранк, бэкграунд, шэйминг, аутсорсинг, мониторинг, скрининг* и мн. под.? Или же все-таки при незначительном умственном напряжении можно найти семантически точные русские соответствия?

Обилие маловнятных и притом магически притягательных англицизмов вместе с официальным речевым потоком образует вербальную декорацию псевдосоциума, в целом не имеющего реальных перспектив из-за отсутствия сколь-нибудь разумных аксиологических ориентиров. Современная имитация духовной жизни (за которую обычно выдают демонстративную воцерковленность) до некоторой степени напоминает существование русского дворянства второй половины XVIII в., когда «пустоту общежития наполняли громкими чужими словами» [Ключевский¹⁵, 1989, т. V, с. 148], – с той разницей, что теперь подобная имитация осмысленности бытия распространена чрезвычайно широко.

¹⁴Замечательно высказывание по поводу этой модной темы известной депутатки: «До меня никто не домагивался».

¹⁵Ключевский В.О. Курс русской истории: соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. 476 с.

Предпочтения «своему» «чужого», то есть импортной продукции и иностранного языка, издавна характерны для представителей российских общественных слоев [Васильев, 2020, т. 1, с. 122–141] и имеют серьезные этносоциокультурные последствия. Глубоко справедливо суждение: «Народ и язык – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ» [Срезневский, 1986, с. 106]. Нигилистическое отношение к языку является вместе с тем и уничижительной оценкой этноса – его творца и носителя. Поскольку же избыточные англицизмы активно употребляются современными российскими «элитариями» и широко тиражируются через СМИ, то становится довольно сомнительным сколько-нибудь заметный эффект от массивного насаждения казенного как бы патриотизма¹⁶: макаронические речевые потоки ему противостоят, выступая естественным компонентом «новорусского скверноязыка» [Фролов, 2005, с. 310–312].

Этому способствует и популяризация исключения интеллектуальной составляющей из социального оборота (см. российские «юмористические» телепередачи, замешенные на примитивных вульгаризмах с явным русофобским оттенком). Отсюда – неумение и нежелание коммуникантов затруднять себя подбором семантически точных слов родного языка и стремление к их замене заимствованиями.

Выводы. Таким образом, одним из катализаторов вышеназванного бурного процесса является непроницаемость внутренней формы чужого слова для большинства носителей русского языка. Такие лексемы зачастую становятся зародышами новых мифов, канализируемых через СМИ и применяемых для манипуляций общественным сознанием.

Сегодняшние черты процесса заимствований говорят об их близости к традиционной вербальной магии. Серьезным импульсом, поощряющим употребление англицизмов взамен семантически адекватных русских слов, выступают публичные речевые акты представителей российской правящей страты.

Лингвисты, которые не усматривают в лавинообразном натиске ничего негативного для лингвоментального облика этносоциума, либо лукавят, либо не вникают в суть проблемы.

Библиографический список

1. Билибин В.В. Сновидения // Писатели чеховской поры: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 62–65.
2. Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96–129.
3. Булгаков М.А. Они хотят свою образованность показать... // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 2. С. 520–523.
4. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.

¹⁶ Самая заметная черта этого пропагандистского конструкта – склонность к избирательному присвоению и прославлению былых грандиозных свершений совсем иного государства, достигнутых под руководством тогдашней правящей партии и ее деятелей, к тому же – вовсе не под триколором (победа в Великой Отечественной, полет Ю.А. Гагарина и под.).



5. Васильев А.Д. Векторы экзогенных лингвосоциокультурных влияний (на материале произведений И.С. Тургенева) // Сибирский филологический форум. 2020. № 2. С. 96–107.
6. Васильев А.Д. Освоение языка автохтонного и языка экзогенного: потребности естественные и искусственные // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 1 (55). С. 113–121.
7. Грибоедов А.С. Горе от ума. Л., 1964. С. 3–122.
8. Замятин Е.И. Слово предоставляется товарищу Чурьгину // Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 452–460.
9. Зоценко М.М. Обезьяний язык // Зоценко М.М. Собр. соч.: в 3 т. Л., 1986. Т. 1. С. 264–266.
10. История лексики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. М., 1981. 376 с.
11. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 28–55.
12. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1978. 384 с.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
14. Ленин В.И. Об очистке русского языка // Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976. С. 380.
15. Лесков Н.С. Очарованный странник // Лесков Н.С. Рассказы и повести. М., 1951. С. 133–288.
16. Маяковский В.В. О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 64–66.
17. Островский А.Н. Горячее сердце // Островский А.Н. Избранные пьесы: в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 501–582.
18. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
19. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа ташкентцы // Салтыков-Щедрин М.Е. Избранное. М., 1976. С. 207–250.
20. Складаревская Г.Н. Предисловие // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001. С. V–XXV.
21. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е гг. XIX века). М.; Л., 1965. 566 с.
22. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Срезневский И.И. Русское слово. М., 1986. С. 103–161.
23. Фролов Н.К. Новорусский сквернояз и экология языка // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 310–312.
24. Шишков В.Я. Журавли // Шишков В.Я. Собр. соч.: в 8 т. М., 1961. Т. 2. С. 282–296.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>

SHAMELESS CHARM OF ANGLICISMS: MAGNETISM OF OBSCURE WORDS

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Problems related to lexical borrowings invariably arouse the interest of linguists. Probably, both the possible reasons for borrowing and their socio-cultural consequences are particularly attractive for studying. Therefore, it is urgent to study the factors contributing to the readiness of the language community to unconditionally accept borrowings from the Anglo-American and their active use.

The purpose of the article is a socio-cultural analysis of borrowings, their semantic and pragmatic status in the Russian language.

To achieve the goal, discursive, linguoculturological and semantic *methods of analysis* were used.

Research results. One of the catalysts of the above-mentioned turbulent process is the impenetrability of the internal form of a foreign word for most native speakers of the Russian language. Such lexemes often become the germs of new myths channeled through the media and used to manipulate public consciousness.

Conclusions. Today's features of the borrowing process speak of their proximity to traditional verbal magic. Public speech of representatives of the Russian ruling stratum act as a serious impulse encouraging the use of Anglicisms instead of semantically adequate Russian words.

Keywords: *lexical borrowings, anglicisms, modern Russian communication situation, origins of the attraction of borrowings, internal form of a word, verbal magic.*

References

1. Bilibin V.V. Dreams // Writers of the Chekhov era: in 2 vols. M., 1982. Vol. 1. P. 62–65.
2. Birzhakova E.E. The Dandies and the dandyish jargon in the Russian comedy of the XVIII century // The language of Russian writers of the XVIII century. L., 1981. P. 96–129.
3. Bulgakov M.A. They want to show their education... // Bulgakov M.A. Sobr. op.: in 5 vol. M., 1989. Vol. 2. P. 520–523.
4. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. In 2 vol. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 1. 368 p.
5. Vasilyev A.D. linguosociocultural Vectors of exogenous influences (based on the works of I.S. Turgenev) // Siberian philological forum. 2020. No. 2. P. 96–107.
6. Vasilyev A.D. the Development of indigenous language and language exogenous: the needs of the natural and the artificial // Vestnik kgPu V.P. Astafiev. 2021. No. 1 (55). P. 113–121.
7. Griboyedov A.S. Woe from wit. L., 1964. P. 3–122.
8. Zamyatin E.I. floor comrade Turygino // Zamyatin E.I. Selected works. M., 1989. P. 452–460.
9. Zoshchenko M.M. Monkey language // M.M. Zoshchenko. Sobr. op. In 3 vol. M., 1986. Vol. 1. P. 264–266.
10. The history of the vocabulary of the Russian literary language of the late XVIII – early XIX century. M., 1981. 376 p.
11. Klyuchevsky V.O. Remembrance of N.I. Novikov and his time // Klyuchevsky V.O. Op. In 9 vol. IX. M., 1990. P. 28–55.
12. Kovalevskaya E.G. History of the Russian literary language. M., 1978. 384 p.



13. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
14. Lenin V.I. On cleaning the Russian language // Lenin V.I. Collected works. M., 1976. P. 380.
15. Leskov N. With. The enchanted wanderer // Leskov N. With. Stories and novels. M., 1951. P. 133–288.
16. Mayakovsky V.V. About “fiasco”, “the apogee” and other unknown things // Mayakovsky Vladimir is Full. coll. op. In 13 vol. M., 1957. Vol. 4. P. 64–66.
17. Ostrovsky A.N. Hot heart // Ostrovsky A.N. Selected plays. In 2 vol. M., 1972. Vol. 1. P. 501–582.
18. Potebnya A.A. Thought and language // A.A. Potebnya. Aesthetics and poetics. M., 1976. P. 35–220.
19. Saltykov-Shchedrin M.E. gentlemen of Tashkent // Saltykov-Shchedrin M.E. favourites. M., 1976. P. 207–250.
20. Sklyarevskaya G.N. Preface // Explanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes of the end of the XX century. M., 2001. P. V–XXV.
21. Sorokin Yu.S. Development of the vocabulary of the Russian literary language (30s–90s of the XIX century). M.; L., 1965. 566 p.
22. Sreznevsky I.I. About the study of the native language in general and especially in childhood // Sreznevsky I.I. Russkoe slovo. M., 1986. P. 103–161.
23. Frolov N.K. The New Russian foul language and the ecology of language // Frolov N.K. Selected works on linguistics. Tyumen, 2005. Vol. 1. P. 310–312.
24. Shishkov V.Ya. Zhuravli // Shishkov V.Ya. Sobr. op. In 8 vol. M., 1961. Vol. 2. P. 282–296.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, professor of the Department of the of general linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru